

Жители деревни Ваньэр селились вдоль реки. Речное русло здесь петляло и изгибалось, и, чтобы уберечься от сильных наводнений, люди облюбовали ровное возвышенное плато на некотором отдалении от воды, где и возвели свои дома.

Самое широкое и просторное место считалось центром деревни. Там стояли два десятка усадеб, принадлежавших самым первым переселенцам; два ряда дворов глядели друг на друга, разделенные плотно утрамбованной дорогой.

Деревенские часто называли это место Старым Поселением.

С тех пор пролетели десятилетия, и ныне деревня Ваньэр заметно разрослась и окрепла: в ней насчитывалось уже добрых пятьдесят-шестьдесят дворов, так что она по праву считалась крупным селением.

Большинство этих семей когда-то отделились от Старого Поселения, и лишь несколько дворов принадлежали чужакам.

Впрочем, самые «новые» из пришлых жили в Ваньэр уже больше двадцати лет. И если в первые годы из-за своей малочисленности они терпели некоторые обиды и притеснения, то теперь, когда сменилось уже два-три поколения, они стали абсолютно своими, коренными жителями деревни Ваньэр.

Чжао Ляньсин и Чжао Ляньван не были местными — они жили в соседней деревне Чжаоли.

Деревня Ваньэр раскинулась ближе к горам, в верхнем течении реки Цинмэй, а Чжаоли находилась ниже по склону. Из-за изгибов реки и особенностей рельефа два этих селения разделяло приличное расстояние.

Поэтому, едва добравшись до деревни Чжаоли, караван во главе с вожак-мулом свернул с тракта, и мужчины перенесли все оставшиеся товары в дом Чжао Ляньсина.

Он был старшим в этом походе, и весь товар принадлежал ему.

За исключением Чжао Ляньвана, каждый из участников выставил для нужд дела по одному ослу или мулу. Взамен Чжао Ляньсин на протяжении всего пути полностью обеспечивал людей и скотину мукой, лепешками, сухими припасами и кормом — по сути, он нанимал этих мужчин вместе с их животными для ведения торговли.

И львиную долю прибыли, разумеется, тоже забирал себе Чжао Ляньсин.

Конечно, в таких походах разносолами и жирной пищей никого не баловали, зато пресных лепешек и маньтоу из грубой муки всегда было вволю — наесться можно было досыта.

Семьи с обычным, средним достатком и дома-то не часто видели на столе мясо да масло. А так, отправившись в путь во время зимнего затишья, мужик избавлял домашних от необходимости кормить лишний рот, да еще и привозил копейку. Оттого, каким бы тяжким ни был этот промысел, желающие заняться торговлей находились всегда.

Разгрузив повозки, Пэй Юва, как и остальные, взял под уздцы свою скотину и направился к дому.

Он отправлялся в путь с одной телегой, так что ослик тащил его собственную повозку. Чанся сидел на досках, а рядом с ним лежал узел — скромные пожитки и сменная одежда Пэй Юва.

Что же касается самого Чанся, то, кроме одежды, что была на нем, он не унес из родного дома ровным счетом ничего.

Пэй Юва вел ослика вперед. Завидев огонек в окнах самого крайнего дома деревни Ваньэр, он почувствовал, как на душе стало спокойнее. Вокруг быстро темнело, и мужчина невольно прибавил шаг.

Они миновали довольно аккуратное и оживленное Старое Поселение. Дальше, позади него, вразнобой росли тополя, ивы, вязы и шелковицы, в тени которых укрылось еще несколько усадеб, погруженных в глубокую, безмолвную тишину.

Чанся лишь безмолвно смотрел по сторонам в сгущающихся сумерках; все вокруг казалось ему чужим и незнакомым.

Деревня Ваньэр ширилась вокруг Старого Поселения, разрастаясь то к передней ее части, то к задней. Где место позволяло, селились рядышком по две-три семьи.

Другие же дворы стояли особняком, отделенные от соседей редкими перелесками или узкими, неудобными клочками земли.

Из-за такого рельефа отделившиеся от семей сыновья строились вразброс вокруг Старого Поселения.

К счастью, расстояния между ними были небольшими, и даже те, кто жил в отдалении, если хотели перекинуться словом с соседом, просто выходили за порог и громко кричали — на этот зов всегда откликались.

Из-за туч показалась луна, разогнав остатки свинцового неба. Лунный свет разлился чистой, холодной синевой, и в воздухе заструился резкий морозный воздух.

Ослиная повозка остановилась перед одним из уединенных дворов. Внешние бамбуковые ворота были плотно закрыты. Сквозь щели в бамбуковом плетне виднелись аккуратные грядки, хотя овощей на них почти не осталось.

За огородом высилось несколько крытых соломой мазанок. Оттуда доносился приглушенный говор, но свет в окнах не горел.

— Гав!

Желтый пес внезапно почуял чужого, выскочил из конуры и, сдерживаемый цепью, залился лаем в сторону ворот.

Едва сдерживая радостное волнение, Пэй Юва подошел ближе, постучал в ворота и громко крикнул:

— Отец, я вернулся!

В то же мгновение пес замолчал, завилял хвостом и преданно заскулил, а в соломенном доме поднялась суматоха.

Услышав голос сына, старая матушка Пэй поспешно поднялась с постели и крикнула в окно:

— Юва?!

Старый отец Пэй уже успел накинуть на плечи куртку и, шлепая задниками туфель на босу ногу, поспешил отпереть ворота.

Тем временем в западной комнате Чэнь Чжи (Фулан), услышав шум, тоже торопливо спустился с кана. Но стоило ему приоткрыть дверь дома, как внутрь ворвался ледяной ветер; он поспешно притворил ее за собой, сделал несколько быстрых шагов на крыльцо и позвал:

— Юва?

— Это я, — отозвался Пэй Юва, заводя повозку во двор.

Старый отец семейства, Пэй Цзаоань, увидев, что сын вернулся живым и невредимым, хоть и покрытым дорожной пылью, облегченно перевел дух. Руки и ноги целы — и ладно, теперь сердце старика было спокойно.

Однако, заметив на телеге безмолвную детскую фигурку, Пэй Цзаоань невольно отпрянул от неожиданности.

Он никак не ожидал увидеть здесь кого-то еще, к тому же в темноте лица было не разобрать. Старик с перепугу едва не принял его за какого-нибудь злого духа: веки его задергались, тело пробил крупная дрожь, и он даже зябко поежился.

Чэнь Чжи испугался не меньше; его голос дрогнул и изменился:

— На телеге... на телеге ребенок?!

В спешке и суете возвращения Пэй Юва как-то не подумал заранее предупредить домашних о Чанся. Не ожидая, что его близкие перепугаются до такой степени, он с улыбкой проговорил:

— Зайдем в дом, в доме все и расскажу.

С ослика сняли упряжь. Избавленный от тяжелой ноши, он, казалось, тоже узнал родной дом и мирно улегся отдыхать в загоне, усталом толстом слое свежей соломы.

Привязав скотину, Пэй Цзаоань поспешил вернуться с заднего двора — зимняя ночь была лютой, от холода голова буквально леденела.

В главной комнате зажгли масляную лампу. Чанся чувствовал себя крайне неловко и испуганно, а потому испуганным хвостиком ходил за Пэй Юва.

Чэнь Чжи опустил дорожный узел на стол и потрогал чайник — вода в нем давно остыла. Направляясь к выходу, он сказал:

— Я сейчас же пойду согрею воды. Вы ели в дороге?

Пэй Юва присел на стул, чтобы дать гудящим ногам отдых, и мимоходом пододвинул Чанся маленькую табуретку, приглашая сесть. Сам же ответил:

— Мы еще в городке перекусили, перед тем как домой повернуть. Так что готовить не надо, просто согрей побольше воды — чайку попьем, да и ноги мне надо распарить, чтобы усталость снять.

Тут в главную комнату вошел Пэй Цзаоань. Его взгляд так и приковался к Чанся — пока он возился с ослом, всё никак не мог взять в толк, откуда взялся этот ребенок.

Пэй Юва достал из-за пазухи кошель, вынул оттуда брачное свидетельство и объявил:

— Это Чанся. Я взял его для нашего Пэй Яо в качестве малолетнего нареченного мужа.

Чего-о?!

Старый отец опешил, затем озадаченно почесал затылок и замер с открытым ртом, решительно не зная, что сказать.

Чэнь Чжи от этих слов и вовсе как обухом по голове ударило — он напрочь позабыл, что собирался греть воду, и застыл на месте как вкопанный.

Матушка Пэй, успевшая одеться, как раз выходила из своей комнаты и, услышав эту фразу, замерла с таким же растерянным и непонимающим видом.

В доме Пэй на какое-то время воцарилась суматоха. Грамоте никто из них обучен не был, поэтому каждый по очереди покрутил в руках брачное свидетельство, разглядывая его и так и эдак, но, разумеется, ничего в этих узорах из туши не разобрал.

Пэй Юва указал пальцем на домочадцев, помогая Чанся познакомиться:

— Это твой дедушка, это бабушка, а это — твой папа (а-дэ). Пэй Яо уже спит. Если захочешь поиграть или побегать, завтра этот сорванец проснется — пускай водит тебя повсюду.

Чанся робко сжался. Раз «отец» велел — спорить он не посмел и тоненьким голоском поприветствовал каждого по очереди.

Такого взрослого ребенка, да еще и со свидетельством, оформленным честь по чести, им явно не даром отдали. Пэй Цзаоань спросил:

— Сколько же ты за него выложил?

Пэй Юва покосился на Чанся, затем перевел взгляд на старого отца и смолчал.

Пэй Цзаоань тоже прикусил язык — понял, что сболтнул лишнее при ребенке.

Старая матушка Пэй, Доу Цзиньхуа, пристроилась на краю лавки. Поначалу она собиралась расспросить сына о дороге, но поскольку Чанся уселся прямо подле нее, все расспросы вылетели у нее из головы.

Волосы её были подернуты сильной сединой, да и глаза с годами стали подводить. Масляная лампа светила тускло, и сколько бы старушка ни щурилась, разглядеть мальчика как следует ей не удавалось — поняла лишь, что ребенок совсем худенький да слабый.

— Сколько тебе годков? — ласково спросила Доу Цзиньхуа у Чанся.

Лицо у нее было простое, добродушное, и в ее вопросе не было ни капли резкости или злого любопытства — обычный домашний, житейский тон.

Чанся отозвался едва слышно:

— Восемь лет.

Восемь лет... а ростом совсем невелик, куда ему до их Яо-эр. Тому ведь всего пять, а тельце

плотное, крепенькое, да и ростом малец не обделен.

Доу Цзиньхуа прикинула это про себя, но тут же рассудила, что Пэй Яо и среди сверстников всегда считался крупным ребенком. А для детей, живущих впроголодь, быть худыми да низкорослыми — дело привычное.

Она вообще была женщиной немногословной. Помолчав немного, она повернулась к сыну:

— Как, говоришь, его зовут?

Пэй Юва ответил:

— Чанся. «Чан» — как в слове «длинный», а «Ся» — как «лето». [Прим. - Дословно переводится как «Долгое лето» или «Затяжное лето»]

Сам он грамоты не знал, но когда семья Цзян подписывала брачный договор, услышал эти слова и крепко запомнил.

Чэнь Чжи тем временем принес согретую воду и поспешно заварил чай. Обернувшись к Чанся, он разбавил кипятком холодной водой и протянул ему теплую чашу.

Мальчик протянул свои костлявые, тонкие ручки и принял воду. Под пристальными взглядами взрослых он пил настолько робко и испуганно, что едва не поперхнулся.

Такой большой ребенок, которого они в глаза не видели, в один миг стал членом их семьи.

Уж точно, как в народе говорят: застали врасплох.

Чэнь Чжи не удержался и с укором зыркнул на Пэй Юва.

Кухня примыкала к главной комнате, а ночью в деревне тихо, так что весь их разговор он слышал от первого до последнего слова.

Но раз уж муж привез дитя, да и брачный договор подписан, отступить было некуда. Чувствуя легкую растерянность и втайне досадуя на Пэй Юва за то, что тот в одиночку принял такое важное решение, Чэнь Чжи все же мягко поманил Чанся рукой:

— Иди сюда. На улице стужа, зайди в комнату, согрейся. Заодно и ноги распаришь, а со всем остальным завтра, как проснёмся, разберемся.

— Слушайся своего папу, — кивнул ему Пэй Юва, а сам остался в главной комнате, чтобы поболтать со стариками-родителями.

В западной комнате жарко протопили кан, так что здесь и впрямь было куда теплее, чем в главной комнате.

Чанся вел себя очень скованно; он крепко сжимал в ладонях чашу с водой, боясь пошевелиться. Чэнь Чжи взял комнатную свечу, зажег ее от масляной лампы в главной комнате и вернулся назад.

Удерживая свечу, он внимательно оглядел Чанся, затем ощупал его одежду, проверяя, плотная ли она, провел ладонью по его шее сзади и потрогал руки.

Старая одежка оказалась вполне теплой, под воротником тело было согретым, да и заплатки на

вещах были положены аккуратно и заботливо.

Однако, когда его пальцы коснулись шершавых, потрескавшихся и покрытых твердыми мозолистыми обморожениями детских ручек, Чэнь Чжи лишь тихонько вздохнул про себя. Ничего не сказав, он усадил Чанся на край кана, а сам отправился на кухню за водой.

На кане, свернувшись калачиком под одеялом, кто-то спал, укрывшись с головой.

Чанся аккуратно пристроил чашу на краю печи, затем, упершись обеими ладонями, взобрался на высокий кан.

Печь была приятно горячей. Мальчик опустил голову, некоторое время разглядывая постель, а затем снова прижал ладони к теплой поверхности, бережно впитывая это блаженное тепло.

Чэнь Чжи вернулся с тазом воды и пододвинул высокую скамью, на которую и водрузил деревянную лохань.

Обычно так мыли маленького Пэй Яо. Чанся был постарше, но его ноги всё равно не доставали до пола, если бы он сидел просто так.

Опустив ступни в приятную теплую воду, Чанся очень скоро почувствовал, как по всему телу разлилось блаженное тепло.

Чэнь Чжи тем временем распахнул большой деревянный ларь, вытащил оттуда ватное одеяло и бросил его на кан. Поразмыслив немного, он повернулся и отыскал другое одеяло, размером поменьше.

Разостлав его на кане и убедившись, что Чанся вполне под ним поместится, он запер дверцы шкафа.

Пэй Яо спал очень беспокойно, и до сих пор они с Чэнь Чжи укрывались одним большим одеялом — так папе было легче заметить, если ночью сын скинет его с себя.

А это маленькое одеяльце Чэнь Чжи перешил в прошлом году из старого, думая, что через год-два, когда Пэй Яо подрастет, у мальчика будет своя собственная постель.

Ну да ладно, пусть пока побудет так.

Чанся устроился на самом правом краю глинобитного кана, укрывшись отдельным одеялом.

То было тяжелое, плотно набитое хлопком одеяло; оно приятно давило на грудь и плечи, даруя чувство невероятной защищенности и покоя.

Сколько он себя помнил, ему всегда приходилось спать на ледяных постелях, и в его жизни почти не бывало дней, когда стоило юркнуть под одеяло — и вокруг разливалось сухое тепло. В груди мальчика колыхнулось странное, неизведанное чувство, и он приоткрыл рот, беззвучно ловя губами воздух.

Пальцы ног приятно горели, лицо и руки после мытья тоже были теплыми.

Уже засыпая, в полузабытьи он уловил едва заметный, струящийся сладковатый аромат домашнего тепла, но отыскать его источник не успел: веки налились свинцом, глаза закрылись сами собой, и мальчик мгновенно провалился в глубокий сон.

В главной комнате погасили масляную лампу, и лишь в западной комнате все еще теплился огонек свечи.

Распарив ноги, Пэй Юва почувствовал, как блаженная нега разлилась по всему его усталому телу.

Чэнь Чжи обернулся и посмотрел на спящего Чанся — дыхание мальчика было тяжелым и глубоким, бедняжка изрядно натерпелся в дороге.

Только тогда он вполголоса спросил мужа:

— Те два ляна серебра, что я дал тебе с собой...

Пэй Юва как раз снимал верхнюю куртку и, услышав вопрос, приглушил голос:

— Я отдал его семье два ляна и пятьдесят вэней. Пять мао перехватил в долг у брата Ляньсина.

— Да бог с ними, с деньгами, раз уж потратил. Но как ты мог сам принять такое решение, не посоветовавшись со мной? — с мягким упреком прошептал Чэнь Чжи.

Пэй Юва принялся тихо оправдываться:

— Путь-то неблизкий, разве успел бы я с тобой посоветоваться? Всё дело случая.

Он замолчал на мгновение, а затем добавил:

— Сам посуди, какое у нас хозяйство. За год удастся скопить немного, да и те деньги трогать боязно. Лет через десять Пэй Яо вырастет, придет пора его женить. А к тому времени отец с матерью совсем состарятся, не дай бог захворают — на все нужны деньги. С нашими-то пожитками кто знает, как жизнь повернется через столько лет.

— Эти два ляна и пятьдесят вэней достались нам нелегким трудом. Но ведь это всё равно куда дешевле, чем засылать сватов, собирать выкуп, устраивать пир на всю деревню... Нам ведь даже подарки его семье к праздникам слать не придется.

Пэй Юва тихонько вздохнул и подытожил:

— Раз уж у нас появился тунянси, то, как Яо-эр исполнится шестнадцать-семнадцать лет, они сразу сыграют свадьбу, и парень ни в чем не будет ущемлен.

В его словах действительно была правда. Чэнь Чжи немного поразмыслив над этим, в конце концов тоже тихонько вздохнул, признавая правоту мужа.

Семья Пэй не числилась среди первых богачей на селе. В прежние годы им приходилось туго, но за последнее время дела потихоньку пошли на лад: к зиме они успевали запасти вдоволь дров, да и хлопок для теплой зимней одежды купить им было под силу.

И пусть им по-прежнему приходилось просчитывать каждую копейку, по сравнению с беспросветной нищетой и разорением семьи Цзян, они жили куда зажиточнее.

Пэй Юва в этом году исполнилось двадцать девять лет, а Чэнь Чжи был на два года моложе его; они сочетались браком, когда Пэй Юва было двадцать два.

Чэнь Чжи был фуланом, а им вынашивать и рожать детей всегда было несколько труднее, чем

женщинам. Лишь на второй год после свадьбы он сумел забеременеть.

Первенцем у них родился Пэй Яо, которого они вырастили крепким и здоровым мальчиком. Вот только в позапрошлом году у Чэнь Чжи случился выкидыш, и лишь к этому году его тело более-менее пришло в норму.

Род Пэй не отличался многолюдностью: начиная от деда Пэй Юва и заканчивая им самим, вот уже три поколения в их семье рождалось лишь по одному мужчине, на которого опирался весь дом.

В прежние времена семья была настолько бедна, что Пэй Юва долго не мог найти себе пару. Местные частенько посмеивались над ним в глаза, из-за чего и ему самому, и его престарелым родителям пришлось натерпеться немало горьких обид.

Хоть половина жителей деревни Ваньэр и носила фамилию Пэй, ветка их семьи была совсем небольшая. И всё же какая-никакая родня по отцовской линии в деревне у них водилась, и они поддерживали общение; так что, кроме досужих насмешек, никто их особо не обижал.

Вот только близких дядьев да родных братьев у Пэй Юва не было, да еще и бедность мешала — оттого с остальным родом они держались несколько отстраненно.

Позже, благодаря связям со стороны матери, он во время зимнего затишья пристроился ходить в торговые походы вместе с Чжао Ляньсином. Сам Пэй Юва был человеком работающим: возделывал землю, собирал в горах лекарственные травы, заготавливал дрова и ловил рыбу, а стоило появиться свободной минутке — бежал на городской причал искать подработку.

Лишь когда ему удалось скопить денег и взять в дом фулана, жизнь его мало-помалу вошла в мирное, благополучное русло.

Он сам вдоволь натерпелся унижений и насмешек в молодости, а потому всем сердцем не желал, чтобы его единственный сын повторил эту горькую долю.

И теперь, когда он так рано отыскал для своего сына нареченного супруга, на душе у Пэй Юва воцарился полный и глубокий покой.

<http://bllate.org/book/17875/1713886>